

Е. М. Штаерман

ПРОБЛЕМА ПАДЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ*

Вопрос о падении рабовладельческого строя и его смене феодальной формацией постоянно привлекал и привлекает внимание наших античников и медиевистов. Ряд положений, ими установленных, не вызывает разногласий. К ним, в первую очередь, относятся положения о том, что переход этот не был мирной эволюцией, как его рисовали буржуазные историки школы Фюстель де Куланжа и Дюпона; о длительном периоде разложения старых и формирования новых отношений; о различии путей, которыми шла западная и восточная половина империи к конечному результату — падению рабовладельческого строя. Однако многие вопросы еще остаются нерешенными и спорными. Тем более необходимо сделать предметом широкой дискуссии, материалом для которой и должна послужить настоящая статья, отнюдь не претендующая на какие-нибудь окончательные выводы. Существующие разногласия объясняются самой трудностью проблемы.

Падение рабовладельческого строя значительно труднее для изучения, чем падение строя феодального. Революционные движения рабов и колонов, сочетавшиеся с вторжениями внеимперских племен и народов, вылились в единовременную победоносную революцию, подобную ранним буржуазным революциям. Не знала древность и оформленного законом общего освобождения рабов, подобного отмене крепостного права. Рабство, как таковое, никогда, по существу, отменено не было. Поэтому невозможно наметить какую-нибудь определенную дату конца рабовладельческой формации. Конечно, случайная дата свержения Ромула Августула таким рубежом служить не может, тем более что для восточной половины империи мы не имеем даже такой условной даты.

Низкий уровень развития производительных сил обусловил крайнюю медленность всех процессов. По словам Энгельса, даже в течение 400 лет, следовавших за формальным крушением западной империи, уровень производства не изменился и снова привел массы населения к тому же исходному пункту, к тому же распределению собственности, к делению на те же классы¹. Крайне медленно, почти неприметно изживались пережитки рабовладельческих отношений. Не только в византийском праве, но и в законах Теодориха или Гундобада рабовладельческие отношения представляются как бы совершенно непоколебленными, а в законах Теодориха они выглядят даже более жестокими, чем отношения конца II и III вв.

* В дискуссионном порядке — *Ред.*

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1882, стр. 160.

Так, в этих законах предписывается сжигать раба за связь с свободной женщиной, рабы здесь лишаются права церковного убежища и т. п. Это дает повод некоторым исследователям либо говорить о периодах рабовладельческой реакции, либо даже считать, что рабовладельческий строй продолжал существовать до VI, VII, VIII вв.

Новый формирующийся класс феодальных землевладельцев не противостоял классу старых рабовладельцев с такой четкостью и непримиримостью, как класс буржуазии — феодальному дворянству. Отчасти это объясняется происхождением феодальных землевладельцев из той же среды рабовладельцев, но главным образом тем, что они не были заинтересованы в полной ликвидации пережитков рабовладения, а напротив, желали их сохранения в той мере, в какой эти пережитки давали феодалам власть над производителями материальных благ. По словам Ленина, в экономическом смысле можно поставить знак равенства между полуфеодальным и полурабским издольщиком¹, а следовательно пережитки рабства долгое время не только не мешали, но даже способствовали новой форме эксплуатации. Энгельс прямо указывает, что крепостное право сохраняло много черт древнего рабства².

У идеологов нового господствующего класса мы не находим ничего похожего на критику рабовладельческой системы, подобную той критике феодализма, которую давали представители революционной буржуазии. Орудием идеологического господства феодализирующейся знати стало ортодоксальное христианство. Его деятели нередко нападали на императорскую власть, они решились провозгласить, что гибель «вечной» империи не только возможное, но и желательное событие, и предпочесть ей власть «варварских» вождей, они утверждали утраченную античной культурой веру в прогресс, они противопоставили проповедь обязательного труда порожденному рабством презрению к труду, но никогда не подвергали сомнению или критике рабство как систему. Напротив, критику, если не рабства, то роскоши, злоупотреблений богачей и даже жестокого обращения с рабами мы находим как раз у представителей отживающего и разлагающегося класса рабовладельцев старого типа, которые к тому же выступали в защиту некоторых «демократических свобод», собственных рабовладельческому полдису, и, которые в силу понятийной абстракции, часто представляются носителями более «справедливых» идей, борцами за «свободную» античную культуру против надвигавшегося «средневекового варварства», хотя, по сути дела, их идеология, поскольку они представляли отживающий способ производства, была реакционна. Эти особенности, отразившиеся как в юридических памятниках, так и в идеологической борьбе эпохи, делают особенно трудным как суждение о способе производства, так и оценку расстановки, взаимоотношений и роли отдельных социальных групп. Здесь надо особенно тщательно «отличать... переворот в экономических условиях производства от ... идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним», с особой тщательностью подойти к тому, чтобы объяснить сознание эпохи «из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»³. Повидимому, единственным критерием здесь может быть не большее или меньшее сохранение пережитков рабовладения, которые могли сохраняться многие века, а ведущая форма собственности, определяющая и ведущую форму эксплуатации.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 13.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 640.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 126—127.

Для конца рабовладельческой формации значительную трудность представляет и характеристика роли революционных движений, которые вместе с вторжениями извне положили конец ее существованию. Несмотря на нивелирующие тенденции, действовавшие на протяжении первых веков существования империи, она продолжала по существу оставаться «конгломератом племен и народностей», которые шли к феодализации различными путями. Сопровождавшие этот процесс движения имели различный характер и различные движущие силы. В нашей литературе, например, высказывалось совершенно справедливое сомнение в прогрессивности движения городских низов, которые, требуя «хлеба и зрелищ», по существу требовали усиления эксплуатации производящих классов, за счет которых только и можно было удовлетворять эти требования¹. Движения городских низов обостряли противоречия между производителями материальных благ, эксплуатация которых усиливалась, и господствующими классами; они способствовали разорению массы средних землевладельцев из сословия куриалов, обязанных содержать городскую бедноту, и тем самым — концентрации земли, но они вместе с тем вели и к консервации полисной организации, характерной для рабовладельческого строя и задерживавшей развитие элементов феодализма.

Далее встает вопрос, что представляли собой самые сильные и массовые движения багаудов, агонистиков, движения в придунайских и малоазийских областях, кульминационным пунктом которых была битва при Адрианополе? Многие считают их движениями рабов или, во всяком случае, отводят в них рабам ведущую роль, исходя лишь из того, что рабы были основным эксплуатируемым классом формации. Но фактически эти движения происходили как раз в тех областях, где рабовладение было менее всего развито. Не говоря уже о придунайских областях, движение агонистиков было сильнее всего в Мавритании и западной Нумидии, а не в проконсульской Африке, движение багаудов было наиболее сильным в северо-западной Галлии, где им удалось даже создать свое государство во главе с их вождем Тибатто. В этих областях дольше всего сохранялось свободное мелкое землевладение с большими или меньшими пережитками общины. Повидимому, как раз в это время там идет интенсивное разложение общины, обращение свободных мелких землевладельцев в колонов и быстрый рост крупного землевладения. В Африке крупными землевладельцами становятся главы племен (например, Фирм и Гильдон); на Дунае — выслужившиеся военные и чиновники. Земли раздавались императорами, захватывались крупными собственниками. Не последнюю роль играла и задолженность мелких землевладельцев. О тяжести задолженности крестьянства в этих районах свидетельствуют законы императоров, запрещавших отбирать у придунайских крестьян за долги сельскохозяйственный инвентарь и скот и принуждать их к работе на полях «сильных» людей, а также то обстоятельство, что агонистики прежде всего старались уничтожить долговые обязательства.

Все это позволяет предполагать, что, хотя рабы и принимали активное участие в движениях агонистиков и багаудов, главной силой этих движений было закрепощаемое крестьянство; в этом смысле движения эти сходны с движениями, типичными для периода становления феодальных отношений в самых различных странах. В условиях империи, пока земельная знать была еще слаба, такие движения вели к укреплению союза между нею и центральным правительством, на основе взаимных уступок. Так было, когда напуганные багаудами аристократы Галлии вернулись под власть

¹ М. Я. Сюзюмов, Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-римской империи IV в. «Уч. зап. Уральского гос. ун-та», вып. 11, исторический, 1952, стр. 99, 105 и сл.

Аврелиана; так было, когда, после разгрома восстания Прокопия, а затем сделки с готскими вождями и подавления рядовых повстанцев, правительство санкционировало прикрепление к земле сперва иллирийских, а затем фракийских колонов, что соответствовало желаниям местной знати.

Но гораздо важнее было то, что эти движения расшатывали римское государство, способствовали его распаденю: по мере того, как римское государство и армия слабели, а крупные землевладельцы укреплялись, они начинали сами организовывать борьбу с восстаниями и искать новых союзников в лице «варварских» вождей.

Взаимоотношения между массами закрепощаемых земледельцев, земельной знатю и «варварами» весьма сложны и, на первый взгляд, противоречивы. Последних часто несколько схематично рассматривают как единую массу, роль которой свелась только к роли союзников и освободителей эксплуатируемых классов империи. При этом как-то остается вне поля зрения тот общеизвестный факт, что ко времени завоевания империи разложение первобытно-общинного строя зашло у внеримских народов уже так далеко, что об единой их массе говорить невозможно. Часть «варваров», попадавших в положение рабов и колонов, была союзницей эксплуатируемых классов империи. Часть племенных вождей стала на сторону ее высших классов. Повидимому, это лежало в основе борьбы проримских и антиримских «партий» в среде готов, вандалов и других племен. Не только багауды, агонистики, дунайские и малоазийские повстанцы вступали в союз с готами, вандалами или франками; их призывали и те галльские или африканские магнаты, которые считали, что племенные вожди этих народов обеспечат их интересы лучше, чем римское правительство. Так, например, движение агонистиков облегчило вандалам завоевание Африки, но Гейзерих был призван не агонистиками, а Бонифацием, который представлял, повидимому, интересы крупных землевладельцев, стремившихся отделиться от империи. Бесчисленные «узурпаторы» Галлии, начиная с середины III и кончая серединой V в., всегда действовали в союзе с вождями германских племен. Вышедшие из среды галльской знати епископы, становясь советниками этих вождей, способствовали укреплению их власти. В конце концов, «варварские» цари обращались против тех же багаудов, перед которыми оказывались бессильны римские войска, и тем оказывали несомненную услугу галльским магнатам¹.

К сожалению, история отдельных областей империи в IV—V вв. еще очень мало изучена, но, может быть, следует предположить, что именно там, где революционные движения были сильнее, местная знать легче шла на союз с вождями «варваров», которые за это сохраняли ей ее господствующее положение. Так, например, земельная аристократия Нумидии и Мавритании, где движение агонистиков приняло огромные размеры, легко признала власть Гейзериха, и изменения, внесенные вандалами в строй этих областей, были гораздо менее значительны, чем в проконсульской Африке, где революционные движения не достигали такой силы и где местная знать оказала вандалам активное сопротивление.

По существу, все боровшиеся против государства поздней империи боролись против отношений, порожденных уже разлагавшимся рабовладельческим строем. Как ни противоположны были интересы феодализирующихся землевладельцев и закрепощаемых земледельцев и сколь ни различны были причины, толкавшие тех и других на союз с внеимперскими народами, их действия в конце концов вели к одинаковым результатам, а именно — к установлению новых политических форм и, в конечном счете, к укреплению элементов феодализма. Объясняется это тем, что оба эти класса бы-

¹ А. Д. Дмитриев, Багауды, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 139—140.

ни классами становящегося феодального общества, для развития которого требовалась ликвидация пережитков рабовладения. Но масса зависимых и закрепощаемых земледельцев разных категорий хотела наиболее полной их ликвидации и раздела земли, что дало бы более чистый и легкий путь развития новых отношений; а землевладельческая знать стремилась к сохранению всех тех пережитков прежнего строя, которые могли способствовать укреплению ее власти над непосредственными производителями, что тормозило развитие нового строя и делало его более мучительным для масс. Чем более острым было сопротивление масс, тем более новый господствующий класс, складывавшийся из провинциальной и «варварской» знати, консолидировался и тем более старался сохранить от рабовладельческих отношений все то, что шло ему на пользу. Это своеобразие классово-борьбы также сильно усложняет изучение истории падения рабовладельческой формации по сравнению с историей падения феодальной формации, когда основные линии, по которым шла классовая борьба и классовые противоречия, выступают гораздо более четко, а расстановка сил в классовой борьбе гораздо яснее.

При попытке разрешить проблему падения рабовладельческого строя важнейшими вопросами являются: вопрос о том, каким образом при переходе от рабовладельческого способа производства к феодальному действовал закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил; вопрос о роли внеэкономического принуждения; вопрос о ведущей форме собственности в этот период и вопрос о том, какой класс выступал тогда в качестве передового класса.

Изучение действия закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил по отношению к рабовладельческому строю показывает со всей несомненностью, что события в Риме II—I вв. до н.э. не могут рассматриваться как проявление кризиса рабовладельческого строя. Представление это, имеющее еще и до сих пор хождение в нашей науке, основывалось исключительно на остроте классовой борьбы в этот период, на факте великих восстаний рабов этого времени, причем соотношение производительных сил и производственных отношений в расчет не принималось, а история классовой борьбы изучалась в отрыве от этого соотношения. В результате всякое восстание принималось за симптом кризиса всей рабовладельческой системы и такие, по существу различные явления, как восстания рабов во II—I вв. до н.э. и революционные движения III—V вв. н.э. связывались в единую цепь событий, приведших к гибели рабовладельческой строй. В лучшем случае признавалось, что ранние восстания не достигли этой цели лишь потому, что рабы не встретили достаточно активной поддержки свободной бедноты, что не сложился «широкий революционный фронт». Для ликвидации этого ложного представления много сделали В. С. Сергеев, Н. А. Машкин и С. И. Ковалев, но оно еще сохранилось у некоторых исследователей считающих, что кризис рабовладельческого строя начался в IV до н.э. и был лишь искусственно преодолен установлением империи как военной диктатуры¹. Подобные утверждения только затемняют вопрос о том, когда же производственные отношения рабовладельческого строя стали тормозом развития производительных сил, т. е. когда крушение рабовладельческого строя стало не только возможным, но и неизбежным и когда же оно, собственно, произошло.

¹ См., например, «История древнего мира» под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского, М., 1952, стр. 610 и 623. Он отразился и в передовой статье ВДИ о проспекте «Всемирной истории», 1952, № 1, стр. 13 и в моей статье «Рабские коллегии и фамилии», ВДИ, 1950, № 3, стр. 74.

Основное противоречие между классами рабовладельческой формации родилось вместе с ней, но проявление его даже в самой острой форме вооруженной борьбы классов еще не свидетельствует об общем кризисе рабовладельческого строя. Нередко, напротив, такая борьба сопровождала его дальнейшее развитие. Есть основания полагать, что такой характер имели и рабские восстания II—I вв. до н. э. Именно тогда в борьбе с многочисленными пережитками более примитивных форм эксплуатации прокладывают себе путь развитые рабовладельческие отношения, достигающие в этот и последующий периоды своего наивысшего расцвета. Порабощаются различными способами огромные массы еще недавно свободных людей, причем экономические условия еще даже не всегда давали возможность целесообразно использовать этих новых рабов и видеть в них определенную ценность. Естественно, что в таких условиях обращение с рабами принимало самые жестокие формы, а их сопротивление, усиленное воспоминанием о недавней свободе, особенно обострялось. Однако их борьба объективно способствовала лишь скорейшей гибели аристократической римской республики, основой которой было, с одной стороны, крупное землевладение с сильными пережитками архаических методов эксплуатации клиентов и должников¹, что делало его отсталым и нерентабельным, а, с другой стороны, — бесконтрольное ограбление провинций, вконец подрывавшее их экономику.

Замена этой республики империей дала новый толчок развитию более совершенной формы рабовладельческого хозяйства — средних рабовладельческих вилл, возникавших вследствие дробления крупных земельных комплексов, приписки земли к городам и максимального для древнего мира развития частной собственности и товарно-денежных отношений. Только пройдя через этот этап, рабовладельческий строй исчерпал все свои ресурсы дальнейшего развития и стал клониться к упадку. Таким образом, судить о степени разложения рабовладельческого строя мы должны на основании степени обострения противоречия между производительными силами и производственными отношениями, а не на основании одних только фактов острой классовой борьбы, взятой изолированно, без связи с экономикой.

Внеэкономическое принуждение свойственно рабовладельческому строю так же, как и феодальному. Правда, порождается оно в том и другом случае разными причинами. При феодализме, по словам Ленина, необходимость внеэкономического принуждения вызывается тем, что «если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство»². При рабовладельческом строе внеэкономическое принуждение, т. е. овладение личностью раба и принуждение его к труду, вызывалось тем, что раб был лишен всякой собственности на средства производства и на продукт своего труда, но вместе с тем он сам являлся собственностью, т. е. представлял собой известную ценность для владельца, который не мог, подобно капиталисту в отношении наемного рабочего, допустить его до голодной смерти и должен был обеспечить ему известный прожиточный минимум. Лишенного всякого стимула к труду раба можно было заставить работать лишь непосредственным¹ принуждением, которое, так же как и при феодализме, являлось результатом существования рабовладельческой собствен-

¹ Эти латифундии именно вследствие того, что они были связаны с такими пережитками ранне-рабовладельческих отношений, принципиально отличались от латифундий, возникших в III—IV вв. как результат разложения рабовладельческого способа производства.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 159.

ности, а не основой рабовладельческого строя. Поэтому оно могло способствовать его укреплению, но не определяло собой его развитие или упадок. Энгельс, говоря о падении рабовладельческого строя, указывал, что рабство уже не приносило дохода, что излишние рабы становились обузой, что «рабство перестало окупать себя и потому отмерло»¹. Прекращение войн и массового захвата рабов-военнопленных, т. е. специфической для рабовладельческого строя формы внеэкономического принуждения, ни разу не упоминается Энгельсом в числе причин гибели этого строя.

Между тем у нас еще довольно широко распространено представление, что расцвет рабовладения был вызван притоком рабов, захваченных в войнах времен республики, а упадок его обусловился прекращением или сокращением войн в период империи.

Оно не подтверждается историческими фактами, поскольку в первые века империи современники жалуются скорее на избыток, чем на недостаток рабов², а войны, ведшиеся с конца II в., давали уже не рабов, а колоннов. Наконец, можно довольно четко проследить, что взгляды отдельных групп правящего класса на внешнюю политику определялись их потребностью в рабочей силе: при республике сторонниками войн выступали круги, связанные с наиболее развитой рабовладельческой системой хозяйства; когда же она стала клониться к упадку, эти круги, не нуждаясь в новых рабах, были сторонниками мирного урегулирования конфликтов с «варварами», тогда как крупные землевладельцы, нуждавшиеся в колонах, побуждали правительство к войнам. Таким образом, зависимость получается как раз обратная: хотя при диалектической взаимосвязи всех общественных явлений войны и приток рабов-военнопленных и оказывали, особенно на первых порах, влияние на развитие рабовладельческой экономики, но не они были для нее определяющими, а, напротив, уровень развития рабовладельческой экономики определял потребность в большем или меньшем количестве рабов и в ведшихся для их захвата войнах.

Марксизм-ленинизм учит, что формы собственности на средства производства являются определяющим моментом производственных отношений. И. В. Сталин, определяя предмет политической экономии, писал: «предметом политической экономии являются производственные, экономические отношения людей. Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение ... в) всецело зависящие от них формы распределения продуктов»³.

Следовательно, чтобы судить об экономическом базисе общества, о характере производственных отношений, следует учитывать не только основные, но все остальные формы собственности и все связанные с ними социальные группы. До известного предела основная форма собственности и порожденные ею отношения оказывают определяющее влияние на все остальные, с нею сосуществующие, как, например, рабский труд определял положение наемного труда⁴, или, говоря более общо, прогресс раз-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1952, стр. 154 и 155.

² Особенно это сказалось в противопоставлении «правов предков», когда рабов было мало, современности, когда рабов — целые легионы (P l i n., NH, XXXIII, 6; J u v., Sat., XIV, 155 сл. и др.).

³ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 73.

⁴ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1950, стр. 254, прим. 1: «...Наемный труд, в котором скрыт в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен; в единичной, случайной форме мы встречаем его в течение столетий рядом с рабством. Но скрытый зародыш только тогда мог развиваться в капиталистический способ производства, когда созрели необходимые для него исторические условия».

витых рабовладельческих отношений влиял, в большей или меньшей степени, на разложение предшествующих форм собственности во всех областях римского мира и ближайших к нему внеимперских областей и на возникновение в них тех или иных форм рабства. Но с упадком рабовладельческой формации бывшие прежде не основными или вовсе не существовавшие формы собственности и социальные группы начинают играть все большую роль, в свою очередь вытесняя и разлагая прежние основные.

Для определения времени, с которого можно говорить о конце рабовладельческой формации, решающее значение имеет установление того момента, когда какая-то из этих прежде бывших неосновными форм начинает уже оказывать определяющее влияние на остальные. Так, например, если придунайские и мавританские области, где, повидимому, интенсивное разложение общинных отношений падает на III в., идут по пути развития не рабства, а колоната, если в это же время пленные в основном обращаются не в рабов, а в колонов, — это является важнейшим симптомом упадка рабовладельческого и укрепления нового строя.

Вместе с тем меняется и соотношение социальных групп и классов. Возникают новые противоречия. Старые классы-сословия разлагаются и возникают новые, стоящие на основных для нового общества, между ними обостряется противоречие, которое становится основным классовым противоречием новой формации, определяющим ее дальнейшую историю.

Поэтому мне представляется неверным считать, что, пока существуют рабы и рабовладельцы, продолжает существовать и рабовладельческая формация, в которой сохраняются те же основные (именно как основные) классы, и что определяющим для ее истории остается развитие классового противоречия между рабами и рабовладельцами. Можно ли, например, говорить, как это часто делается, о времени правления Константина, как о времени рабовладельческой реакции, а о государстве и политике его преемников как о государстве и политике рабовладельцев? Утверждать это можно только в том случае, если будет доказано, что рабовладельческая форма собственности оставалась тогда основной, что ведущую роль играла эксплуатация раба, т. е. непосредственного производителя, лишенного средств производства и принадлежащего собственнику средств производства, имевшего над ним абсолютную и бесконтрольную власть, и, наконец, что основным противоречием оставалось противоречие между единым классом рабовладельцев и единым классом рабов. Но вряд ли можно считать, что какой-нибудь куриал, часть рабов которого была продана за долги, часть разбрелась по другим именьям, который сам мечтал избавиться от своей приносившей одни убытки земли и сбежать «под сень какого-нибудь могущественного дома» может быть отнесен к одной социальной группе с владельцем этого «могущественного дома», все увеличивавшего свои владения и число зависимых от него землевладельцев. Дело тут не в имущественном неравенстве между рабовладельцами, которое существовало всегда. Дело в том, что в I—II вв. разница между владельцем 4 тыс. и 14 рабов была только количественная, а в IV в. — это разница качественная: разница в форме собственности, в форме эксплуатации непосредственного производителя и способе извлечения прибавочного продукта. Куриал был представителем рабовладельческой формы собственности; он эксплуатировал лишенного средств производства раба, непосредственно присваивая его прибавочный продукт; глава «могущественного дома» был представителем более развитой частной собственности, он эксплуатировал наделенного известным минимумом средств производства колона, власть его над которым не была так абсолютна, как власть над рабом; к тому же он извлекал прибавочный продукт в форме одного из видов докапиталистической ренты. Первый был представителем умирающего, второй — развивающегося

и крепнущего способа производства. Для рабовладельческой собственности характерна, во-первых, полная собственность на работника производства — раба, а во-вторых, ограниченность собственности на землю. То положение, когда, по словам Маркса, существовала «только коллективная собственность и только частное владение»¹, по существу в рамках рабовладельческого строя никогда не было преодолено окончательно. Так, например, никогда не был отменен закон, позволяющий каждому желающему занимать имение, оставленное владельцем без обработки². Город, не только в форме полиса, но и в форме муниципии, оставался коллективом землевладельцев и рабовладельцев. Он был промежуточным звеном между гражданином и центральной властью. Имевший землю на территории города был обязан повинностями в его пользу, был обязан ему своим трудом или долей прибавочного продукта, произведенного трудом его рабов в пользу «...коллективных интересов (воображаемых и действительных), обеспечивающих сохранность союза во-вне и внутри»³. Отсюда огромные затраты на раздачу, игры, общественные постройки, которые должны были поддерживать иллюзию единства всех свободных и сплотить их против рабов. Крупные землевладельцы, эксплуатировавшие труд колонов, не нуждались более в этом коллективе рабовладельцев. Они стремились порвать с городской курией, выйти из нее, избавиться от тех ограничений, которые она на них налагала, захватить те земли, которые, оставаясь общественными, составляли экономическую базу рабовладельческого города. Их собственность была отлична от рабовладельческой, так как она была ограничена в отношении работника и менее ограничена в отношении земли. Впоследствии они пытались устранить и ограничения со стороны государства, но вначале они восставали только против городской курии. Так, например, Дион Кассий в известной речи Мепената, представлявшей собой программу крупных землевладельцев, признает необходимость государственных повинностей, но требует уничтожения прав городов (LII, 28 и 30).

Существование рабовладельческой формы собственности было неразрывно связано с эксплуатацией работника, не только составлявшего собственность владельца, но и лишенного собственности на средства производства и продукты своего труда. Крупный землевладелец конца империи эксплуатировал колона, который владел (на ограниченных правах) средствами производства — инвентарем, а иногда и земельным участком — и известным количеством произведенного им продукта. Как я попытаюсь показать далее, крупное хозяйство этого периода уже не могло основываться на эксплуатации раба в классическом понимании этого слова. Следовательно, класс рабовладельцев уже фактически распадается и не может рассматриваться как единый класс.

То же относится и к классу рабов. Конечно, и в период расцвета рабовладельческого строя была фактическая разница между привилегированным рабом — вилликом, управителем, доверенным агентом господина — и рабом-чернорабочим. Но это также была разница количественная. Пекулий любого раба мог быть в любую минуту отнят по прихоти господина. Но затем, когда большая часть рабов сажается на землю, когда раб сперва по обычаю редко продается или освобождается без пекулия, а затем и по закону не может быть продан без земли, становится невозможно говорить и о рабах, как об едином классе, так как основная их масса сливается с классом колонов, а известная часть привилегированных рабов отрывается от своего класса, входит в вооруженные дружины хозяев, наживается на

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ, 1940, № 1, стр. 13.

² См. «Римское частное право», М., 1948, стр. 193.

³ Там же.

управлении их имуществом, сливается со свободными не только вследствие отпуска на волю, но и вследствие долговременного пребывания на свободе *bona fide* и занимаемого «почтенного положения»: т. е. с ведома господина, что по закону делало раба свободным, если это положение длилось 20 лет (СI, VII, 22, 2; ср. СTh, VI, 8, 7 и 9).

Решающим моментом для суждения об экономическом базисе и соответствующей надстройке в тот или иной период должно быть выделение ведущей формы собственности и связанной с ней формы эксплуатации. Это важно также при определении роли различных социальных групп в классовой борьбе, так как часто в одном лагере оказывались те из них, которые были связаны с одной и той же формой собственности и были заинтересованы в ее сохранении и развитии. Так, например, реакционность движений городского плебса обуславливалась тем, что он был заинтересован в сохранении отживающей рабовладельческой собственности и связанной с ней формы политической организации — муниципий. Напротив, классовая борьба рабов, во всех ее видах, которая являлась одной из важнейших движущих сил при переходе от эксплуатации рабов к эксплуатации колонов, была прогрессивна, так как вела к укреплению новой формы собственности на работников производства.

Только идя таким путем, можно будет, повидимому, установить и социальную роль армии на разных этапах истории империи. В период кризиса III в. солдаты вербовались уже преимущественно не из городских, а из сельских жителей, а ветераны получали наделы не в городских округах, а в селах, что дает некоторым исследователям повод говорить о «варваризации» армии, считать ее сборищем деклассированных элементов или видеть в ней союзника крестьян и колонов, поднявшихся против «городской культуры». Ссылаются при этом на то, что солдаты грабили гражданское население, притесняли мирных жителей, что иногда некоторые дезертиры, как, например, Матерн, оказывались руководителями крестьянских движений и т. п. Но все это единичные, поверхностные факты. Конечно, солдаты III в. не были носителями каких-нибудь гуманистических идей и могли грабить и притеснять население, пользуясь своей силой, так же как это делали императорские чиновники, прокураторы имений, городские магистраты. Но их социальная природа определяется не этим, а тем, что ветеран получал земельный надел, по размерам равный среднему наделу декурiona, владел им на тех же правах и обрабатывал тем же способом, т. е. рабским трудом. Соответственно и его статус (а впоследствии и статус солдата) был приравнен к статусу члена сословия декурionов, и его социальная роль была такой же: развитие солдатского землевладения, как и развитие муниципального землевладения способствовало разложению общины, развитию товарно-денежных отношений и классических форм рабовладельческого хозяйства. Поэтому солдат III в. следует считать социальной группой, наиболее близкой к социальным группам, связанным с рабовладельческой собственностью.

Напротив, в IV в., когда рабовладельческая собственность потерпела окончательное поражение, меняется и характер армии. Приобретение ветеранского надела перестает быть достаточным стимулом для несения военной службы, так как он уже не сулит прежних выгод, экономических и социальных. Армия вербуются из крестьян и колонов, положение которых было плохо и презираемо. Боеспособность ее падает, и римская армия становится армией иноплеменных наемников. Таким образом, упадок армии был результатом поражения и упадка той социальной группы, с которой она была связана.

Особую форму рабовладельческой собственности представляла государственная собственность, ставшая преемницей римского *ager publicus*

земельной собственности восточных царей. Борьба, шедшая вокруг нее, была новым выражением той борьбы за дальнейшее развитие частной собственности, которая характерна для всей истории рабовладельческого строя. Теперь эта борьба шла по вопросу о том, станет ли государственная собственность резервом для восстановления рабовладельческих отношений, т. е. будет ли она раздаваться ветеранам, сдаваться мелким и средним арендаторам, остающимся членами городского коллектива, или непосредственно подчиненным государству и улачивающим ему ренту-налог, или она послужит к укреплению новых отношений, перейдя вместе с населяющими ее земледельцами в фактическую и юридическую собственность крупнейших феодализирующихся землевладельцев. Начиная с III в. позиция правительства во многом определялась тем, какая из этих программ или, вернее, какая из социальных групп, выдвигавших ту или иную программу, оказывалась сильнее и могла возвести на престол своего ставленника. Поэтому так называемые «солдатские императоры» не только награждали и жаловали солдат, но и пытались укрепить города и проводили массовые конфискации крупных владений, увеличивая государственный земельный фонд, раздавали его солдатам и давали известные льготы своим арендаторам. Когда эта группа оказалась разбитой в результате «кризиса III в.», императорские земли сначала растут за счет конфискаций городских земель (при Константине и Констанции), а потом все в больших количествах переходят вместе с сидевшими на них земледельцами в руки крупных арендаторов из земельной знати¹.

Совсем особое место занимала общинная форма собственности, стоявшая на разных ступенях разложения и пережившая в ряде провинций и областей рабовладельческую собственность, которой она вместе с тем и предшествовала. В период развития рабовладения она, разлагаясь, порождала рабовладельческую форму собственности, способствуя ее укреплению и распространению. Сельская община или племенная территория приписывались либо к городу, либо получали городского статус. Общинники, прежде зависевшие от верховного собственника земли, или независимые, но ограниченные общиной, становились свободными арендаторами или землевладельцами, гражданами городов, втягивались в товарное производство, расслаивались на разбогатевших рабовладельцев и бедняков, вынужденных отрабатывать долги или продавать в рабство себя и детей. Чаще, конечно, их продавали в рабство кредиторы, как, например, в Британии перед восстанием Бодикки, когда римские ростовщики намеревались продать чуть ли не все племя иценов. С упадком рабовладельческого строя дальнейшее разложение общины и крестьянского землевладения стало уже базой возникновения отношений феодального типа. Община стала распадаться на крупных землевладельцев и зависимых земледельцев. Такие районы, как придунайские и прирейнские области, западная и южная Нумидия, Мавритания и, вероятно, некоторые более отсталые районы восточных провинций, где развитие товарно-денежных отношений и рост крупного землевладения начались в период общего кризиса рабовладельческого строя, идут к феодализму более прямым путем, путем эксплуатации и прикрепления к земле обедневших крестьян-общинников. Особенно наглядно это видно на примере придунайских районов.

¹ Об императорских землях в IV—V вв. см. данные в статье М. В. Левченко, Материалы для внутренней истории Восточно-римской империи V—VI вв., «Византийский сборник», 1945, стр. 53 сл.

Интересно отметить сообщение Гезихия Милетского (FHG, IV, стр. 155) о том, что Валент, пуждаясь в деньгах для войны с готами, продал почти все государственные земли за минимальную цену богатым людям.

Таким образом, самый результат разложения общины важен для характеристики господствующих производственных отношений, так как они определяли этот результат.

В зависимости от того, происходило ли разложение общины в условиях развития или падения рабовладельческого строя, стояло и то, какой характер носили восстания разоряемых, порабоощаемых и закабаляемых общинников. Например, такие движения, как антиримские восстания Бодикки, Такфарината, Флора и Сакровира, объективно были направлены и против развития рабства, поскольку массы общинников становились рабами в Риме и провинциях, а участники этих движений выступали фактически как союзники борющихся против рабовладельцев рабов, хотя может быть, субъективно они себе такой цели и не ставили. Восстания же багаудов, агонистиков, придунайских, малоазийских земледельцев были направлены против становящихся феодальных отношений. Рабы принимали в этих движениях активнейшее участие, но они не были в них ведущей силой, поскольку в значительной мере уже слились с колонами.

Наконец, растущей и крепнущей формой собственности была собственность земельных магнатов, которая противостояла рабовладельческой собственности и, отчасти, собственности государственной, поскольку государственная собственность в известной мере ограничивала ее развитие и поскольку государство претендовало на свою долю прибавочного продукта, взимавшегося в виде налогов, и на часть рабочей силы для армии, государственных повинностей и непосредственной обработки императорских владений. Собственность крупных магнатов противостояла и общинной собственности, поскольку развивалась, между прочим, и за счет разрушения последней; однако до известного предела представители крупного землевладения могли выступать в союзе с общинниками, поскольку для крестьян-общинников эксплуатация, непосредственно осуществлявшаяся крупными магнатами, оказывалась выгоднее, чем эксплуатация государственными чиновниками или мелкими собственниками, вынужденными делиться с государством. Внешним выражением этого союза было развитие патронатия.

Рассмотрение форм собственности и положения связанных с ними социальных групп непосредственно подводит нас к вопросу о том, как к периоду падения рабовладельческого строя следует применять положение марксистской политической экономии о том, что «...знаменосцем использования экономических законов в интересах общества всегда и везде является передовой класс, тогда как отживающие классы сопротивляются этому делу»¹. В эпоху буржуазных революций таким классом, использовавшим в своих интересах против феодалов закон об обязательном соответствии производственных отношений характеру производительных сил была буржуазия.

Что же касается рабовладельческого способа производства, то здесь, с началом его кризиса отживающим классом стал класс рабовладельцев. Он был заинтересован в сохранении рабства в чистом виде, в сохранении рабовладельческой собственности, муниципального строя, римской империи как органа господства рабовладельцев средиземноморского мира. Рабы своей борьбой ускорили переход к новым формам эксплуатации, но, как указывал Энгельс, освободиться в результате восстания они не могли². Не будучи как класс носителями более прогрессивного способа произ-

¹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 49.

² Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 607.

водства, они и не могли освободиться как класс в целом. Повидимому, именно к борьбе рабов и рабовладельцев относится тот указанный в «Коммунистическом манифесте» случай, когда классовая борьба кончалась «...общей гибелью борющихся классов»¹. В период становления феодального строя в победе более передовых методов хозяйства были заинтересованы формирующиеся классы как крупных землевладельцев, так и зависимых земледельцев, значительную часть которых составляли посаженные на землю рабы. Существеннейшее различие между интересами этих двух классов было в вопросе о формах землевладения и о том, насколько решительно и полно будут уничтожены все пережитки рабства. Как только было покончено с этими пережитками в надстройке, интересы этих классов стали резко антагонистичными. Но на первых порах революционные движения непосредственных производителей вели к укреплению нового строя и власти нового господствующего класса, так как они расшатывали и разрушали те формы собственности и ту форму государства, которые эту власть ограничивали. Повидимому, передовым классом при смене рабовладельческого строя феодальным надо считать класс феодализирующей земельной знати. И если под прогрессом подразумевать не некое этическое понятие, включающее «вечные идеи справедливости», то прогрессивными, для того времени, следует считать те движения, которое способствовали победе новой формы собственности, а реакционными — те, которые ее задерживали. К первым относятся восстания крестьян, колонов и примыкавших к ним рабов, вторжения вне-римских народов, сепаратистские движения в провинциях, переход крестьянства под патроний и даже такие явления, как бегство куриалов, рабов мелких собственников, императорских колонов и т. п. в крупные поместья. Ко вторым относятся движения городских низов, борьба курий против крупных землевладельцев, борьба правительства против патрония и т. п. Но, по мере того, как в той или иной области империи земельные магнаты торжествовали победу, менялся и характер классовой борьбы, так как они теперь отстаивали только свою собственность и свои права на эксплуатацию зависимых земледельцев, тогда как те боролись за передачу им земли и против эксплуатации земельных собственников. Это была борьба между более медленным и тяжелым для масс и более быстрым путем победы нового строя, но во всех случаях это была борьба за новый, более прогрессивный строй.

С какого же времени можно говорить об общем кризисе рабовладельческого строя, о коренном нарушении соответствия между производительными силами и производственными отношениями, при котором стало невозможным найти выход в рамках рабовладельческой формации путем зорабощения гибнущего общества другим, перемещения центра развития рабовладельческого производства и повторения всего процесса на высшей ступени²? Как вообще шло развитие производительных сил?

Совершенствование орудий производства, развитие техники шло в рабовладельческом обществе очень медленно и замедлялось тем более, чем больше рабский труд вытеснял свободный. Поэтому развитие производительных сил шло главным образом за счет второго их элемента — совершенствования производственных навыков, трудового опыта.

Конечно, нельзя думать, что техника сельского хозяйства, бывшего ведущей отраслью производства, вовсе не развивалась. Важнейшим усовершенствованием было изобретение в середине I в. до н. э. колесного плуга

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1952, стр. 32.

² См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1952, стр. 330.

с резцом и лемехом, приспособленными для вспашки тяжелых почв¹ была введена борона; ускорена специальными приспособлениями жатва усовершенствованы прессы для вина и оливкового масла и т. п. Но эти изобретения и усовершенствования делались в провинциях Редии, Галлии, где сохранялось многочисленное свободное крестьянство. В рабские хозяйства они проникали оттуда. Из века в век описание инвентаря рабовладельческой виллы остается почти неизменным. Зато углубляется опыт ухода за сельскохозяйственными культурами и животными, развивается специализация труда. Такая специализация шла как по линии приспособления отдельных хозяйств и целых областей к производству определенного вида сельскохозяйственных продуктов, так и по линии дробного разделения труда внутри имения. Из трактата Палладия о сельском хозяйстве мы знаем не только о существовании более или менее квалифицированных землекопов, жнецов, косарей, виноградарей, пасечников, но и о специалистах по выращиванию отдельных видов редкой птицы — павлинов, фазанов, цесарок, голубей и т. п. Палладий противопоставляет их «простым женщинам», которым поручена забота о курах, не требующая, по его мнению, специальных знаний (I, 25—27). Специализация сочеталась с простой кооперацией, которая способствовала росту производительности труда. Значение кооперации в рабовладельческом хозяйстве совершенно справедливо подчеркивал чл.-корр. АН СССР Островитянов в своих «Очерках экономики докапиталистических формаций» (М., 1945, стр. 55). К ней вполне приложимо общее определение, данное Марксом кооперации в I томе «Капитала»: «Та форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно участвуют в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собой процессах труда, называется кооперацией» (стр. 331). Конечно, кооперация, складывавшаяся на базе рабства, была менее эффективна, чем кооперация наемных рабочих, в силу полной незаинтересованности рабов в труде. Но все-таки известный эффект она давала. Во-первых, она давала возможность совершать более трудные работы — расчистку новосушеных болот, насаждение оливковых рощ и т. п. Во-вторых, она давала возможность в критический момент приводить «... в движение большое количество труда в течение короткого промежутка времени»². Немалую роль играло и соединение работников в одном хозяйстве, на что Маркс указывает как на одно из главных преимуществ кооперации по сравнению с индивидуальным трудом³, хотя в условиях рабовладения это имело значение не столько для удешевления производства, что не было целью рабовладельческого хозяйства, сколько для экономики труда. Так, на вилле рабов обслуживало известное число ремесленников; один повар готовил на всех пищу, одна кормилица и нянька воспитывала детей рабов и т. п. В мелком хозяйстве все эти работы должен был производить сам землевладелец и его семья. Количество инвентаря могло быть меньше, чем в нескольких мелких хозяйствах, в сумме равнявшихся одной вилле. Была возможность наладить дополнительные статьи хозяйства — простейшие мастерские, пасеки, охоту, солеварни и т. п. Обо всем этом имеются неоспоримые данные в источниках. Наконец, соединение на вилле известного числа рабов делало возможной более дробную специализацию их, что повышало трудовые навыки и опыт работников, тогда как мелкий собственник должен был сам обслуживать все отрасли своего хозяйства и не мог достаточно специализироваться ни в одной из них. Характерно, что

¹ См. А. В. Арциховский, Социологическое значение эволюции сельскохозяйственных орудий, «Труды социологической секции РАН ИОН», т. I (1927), стр. 123—135.

² К. Маркс, Капитал, т. I, 1952, стр. 335.

³ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 330.

передовые, по тому времени, трактаты по сельскому хозяйству рас-
ставлены именно на рабовладельческие виллы средней величины, причем
далее, тем более дробной предполагается специализация работников.

Не во всяких хозяйствах могли быть осуществлены эти условия. Мелкие
землевладельцы в районах, где на городском рынке мог быть спрос на
некоторые продукты, специализировались на выращивании овощей, цветов,
фруктов. Хотя такой промысел давал им известный доход, он вовлекал их
в сферу товарного производства, что рано или поздно приводило большую
часть к задолженности и разорению. В отдаленных от рынков сбыта
районах мелкие землевладельцы вели примитивное хозяйство, иногда
с применением двух-трех рабов, иногда на основании принципа взаимно-
ности, как, по видимому, надо понимать упоминаемое в источниках ведение
хозяйства с помощью соседей (этот тип, вероятно, связан с пережитками
патриархальных отношений). Здесь значительно дольше консервировались примитивные па-
триархальные отношения, а прогресс производительных сил шел еще мед-
леннее, так как ни специализация, ни кооперация не имели места. Отста-
вшими методами велось хозяйство и в латифундиях конца республики, где
рабы применялись главным образом в качестве пастухов на крупных паст-
бищах, а земледельцами, в значительной мере, были клиенты, должники,
школьщики, сохранившиеся со времени разложения первобытно-общинного
строения и господства патриархального рабства. Сочетание экстенсивного
производства и мелкого земледелия в этих крупных имениях тормозило
развитие производительных сил, и только частичное дробление этих земель-
ных комплексов в Италии и провинциях во времена империи открыло им
пути к дальнейшему прогрессу.

Наиболее целесообразное, в условиях рабовладельческого строя,
хозяйство осуществлялось на рабовладельческих виллах в несколько сот
гектаров величины с несколькими десятками рабов. Размеры виллы давали
возможность осуществить простую кооперацию и разрешить столь трудный
при рабстве вопрос о «труде надзора». Такая вилла, с одной стороны,
была более устойчива и менее зависима от рынка, чем мелкое хозяйство,
а вместе с тем она могла специализироваться на производстве одного вида
продукта (льна, вина, оливок, птицы, шерсти и т. д.), что увеличивало про-
изводственные навыки работников, делало виллу рентабельной, втяги-
вало ее в товарооборот.

Наибольшее развитие и распространение таких вилл и соответствовав-
ших им в ремесле небольших рабовладельческих мастерских в той или иной
области римского мира соответствовало наивысшему для этой области раз-
витию рабовладельческого способа производства, оптимальным условиям
его существования, при которых производственные отношения полностью
соответствовали уровню развития производительных сил. Это относится
к тому периоду истории рабовладельческого строя, когда, по словам
Маркса, «...влияние торговли и развитие купеческого капитала... приво-
дит... к превращению патриархальной системы рабства, направленной на
производство непосредственных жизненных средств, в рабовладельческую
систему, направленную на производство прибавочной стоимости»¹, что
нашло свое наиболее полное выражение в период I в. до н. э. — II в. н. э.
Именно этим соответствием можно объяснить общий подъем экономики,
характерный для большинства областей империи в это время, когда осваи-
ваются новые земли, растет ирригационная система, распространяются
новые культуры, совершенствуется ремесло, возникают новые ремеслен-
ные центры, строятся новые виллы, общественные здания, города, пути
общения, крепнут торговые и культурные связи.

¹ К. М а р к с, Капитал, т. III, 1950, стр. 344.

В политическом отношении вышеуказанные условия давали наибольшее распространение муниципальному строю, так как муниципий, утратив в условиях империи независимость полиса, тем не менее оставался коллективом землевладельцев и рабовладельцев. В идеологическом отношении этому наивысшему расцвету и наибольшему распространению рабовладельческого хозяйства соответствовало наибольшее распространение эллино-римской материальной и духовной культуры, т. е. так называемые «эллинизация» и «романизация».

Итак, повидимому, развитой рабовладельческой строй предполагал преобладание вилл такой величины, которая обеспечивала эффективный надзор за рабами и специализацию внутри отдельных областей и хозяйств дававшую возможность совершенствования трудовых навыков работников; полное отделение работника от средств производства, его исключительную и непосредственную связь с личностью рабовладельца, определявшего место раба в системе своего хозяйства и имевшего над ним абсолютную власть, без чего лишенного стимула к труду раба нельзя было заставить трудиться. Поэтому основной ячейкой рабовладельческого общества была фамилия во главе с господином, имевшим право жизни и смерти в отношении всех ее членов. Раб, которого господин не может «купить, продать, убить как скотину», раб, владеющий, хотя бы и не на правах собственности, средствами производства, уже не раб в полном смысле этого слова. Нужны были уже иные методы, чтобы заставить его трудиться, чтобы выжать из него прибавочный продукт. Такой раб как бы выпадал из общей системы хозяйства виллы, из осуществленной в ней кооперации и разделения труда. Недаром раб, посаженный на землю на правах колона (*quasi colonus*), не входил в понятие инвентаря имения, разработанное римскими юристами (*Dig.*, XXIII, 7, 12). Хотя это решение было дано Лабиемом и Пегасом, когда колонат не стал еще тем, чем впоследствии, оно признается справедливым и Ульпианом. Сцевола, тоже высказываясь по вопросу о передаче по легату имения с инвентарем, сальтуариями и недоимками колонов, проводит разницу между рабом, который обрабатывал имение непосредственно по поручению и под надзором господина — *fide dominica*, и таким, который арендовал его за плату как колоны — *mercede ut extranei coloni solent* (*Dig.*, XXXIII, 7, 20).

Существенным условием сохранения развитого рабовладения был достаточный уровень развития товарно-денежных отношений, так как владелец специализированной виллы должен был продавать свои продукты и покупать то, чего ему недоставало. Наконец, необходимым было и сохранение муниципальному строю, без чего в коллективе свободных резко обострились противоречия между имущими и неимущими, которых можно было сдерживать только их более или менее реальным участием в дележке общего количества прибавочного продукта, выжатого классом рабовладельцев из класса рабов.

Нарушение всех этих условий начинается со второй половины II в., что явилось выражением наступившего кризиса рабовладельческого строя в большинстве областей римской империи. Рабовладельческий способ производства мог распространяться вширь, охватывать новые районы, внутренне совершенствоваться до достижения охарактеризованных выше оптимальных условий, но эти условия не могли сохраняться долгое время, так как расширенное воспроизводство было очень незначительно, а постепенно сокращалось и простое воспроизводство. Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали консервативность технического базиса производства в рабовладельческом мире, указывали, что сохранение старого способа производства было условием существования его основных классов, так как в противном случае разрушается та община, город, коллектив землевладельцев и

рабовладельцев, который был условием существования рабовладельческой собственности. «Именно так,— пишет Маркс,— влияет у римлян развитие рабства, концентрация землевладения, обмен и т. д..., здесь, в рамках определенного круга, может происходить значительное развитие... но здесь немислимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества, так как такое развитие находится в противоречии с первоначальным отношением (между индивидом и обществом)»¹. Эти слова Маркса о Риме могут быть применены и к муниципиям Италии и провинции, которые, не будучи уже самостоятельными полисами-государствами, все же оставались городами античного типа, как его охарактеризовал Маркс².

Прибавочный продукт мало использовался для расширенного воспроизводства именно вследствие этой консервативности технической основы рабовладельческого способа производства. В качестве иллюстрации этого положения напомним, что римские юристы лишь с трудом пришли к соглашению по вопросу о том, имеет ли право муж производить некоторые затраты на улучшение хозяйства в имении жены и не будет ли это расточением доверенного ему имущества. В конце концов были установлены случаи, когда такие затраты считались или необходимыми, или полезными. К первым причислялись: ремонт виллы, восстановление погибших оливковых и фруктовых деревьев, устройство пекарни, амбара, рассадника, расширение виноградника и лечение рабов; полезными расходами считались: новые насаждения деревьев, приобретение скота для унаваживания поля, организация лавки или мастерской (*taberna*) при доме и обучение рабов (Dig., XXV, 1, 1—3, 6, 12 и 14). Как видим, этот перечень сравнительно скромнен. Он не включает ни покупки новых орудий производства или рабов, ни приобретения новой земли. Он направлен на некоторую, весьма ограниченную, интенсификацию хозяйства внутри виллы и на углубление производственных навыков работников, а не на расширение хозяйства в целом.

И действительно, расширение хозяйства за рамки некоего оптимального соотношения числа рабов и количества югеров земли, отведенной под ту или иную культуру, уже разрушало преимущества, которые давала рабовладельческая вилла. Недаром *fundus cum instrumento*, вилла с живым и мертвым инвентарем, в принципе оставалась единым комплексом, не разрушавшимся ни в случае раздела имущества между наследниками, ни в случае приобретения новых аналогичных комплексов. Яркую иллюстрацию всему вышесказанному мы находим у Плиния Старшего. Плиний подтверждение своего тезиса о непроизводительности рабского труда приводит в пример богача Тария Руфа, который, несмотря на то, что он был хорошим хозяином, умер неоплатным должником, так как, желая наладить образцовое хозяйство, вложил в него сто миллионов сестерций. Из этого Плиний делает вывод, что слишком хорошая обработка земли разорительна в тех случаях, если она осуществляется через посредство рабов, а не самим хозяином с семьей, колонами и теми лицами, которых он обязан содержать (II, XVIII, 7).

Кроме того, нельзя забывать, что огромная масса прибавочного продукта расходовалась непроизводительно. Большая его часть шла на накопление сокровищ, что, как показал Маркс, являлось одним из характерных признаков экономики докапиталистических формаций, или расходовалась на роскошь. Но, главное, чем больше распространялся связанный с развитием рабовладения муниципальный строй, чем большее число людей,

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ, 1940, № 1, стр. 18.

² Там же, стр. 11.

отрываясь от своего прежнего образа жизни, обращалось в античный пролетариат, тем большей становилась доля прибавочного продукта, затрачивавшаяся на содержание этой паразитической части общества, и тем большей становилась эксплуатация его производящей части.

Хотя I — II вв. н. э. не знали таких рабских восстаний, как последние века республики, в сущности классовые противоречия и классовая борьба продолжали обостряться. Страх рабовладельцев перед рабами стал гораздо острее, чем в предыдущий период. Характерно, что если Цицерон, современник спартаковского восстания, почти не уделяет внимания вопросу о рабах, ограничиваясь случайными, беглыми упоминаниями, то сочинения Сенеки наполнены советами о том, как надо обращаться с рабами, чтобы сделать их менее опасными для господина. Этот страх вынуждал правительство издавать законы, ограничивавшие власть главы фамилии, что наносило удар одному из основных условий ведения рабовладельческого хозяйства.

Эту сравнительно мало заметную, но непрерывно шедшую в разных формах — бегства, порчи инвентаря, убийства господ, разбоя — борьбу рабов и ее результаты нельзя недооценивать. То обстоятельство, что формально юридическое положение рабов осталось неизменным, не должно вводить нас в заблуждение. Постепенно вводившиеся исключения фактически сводили на-нет неизменные общие правила. Так, например, правилом оставалось запрещение рабам выступать свидетелями против господ, но это свидетельство принималось: если господин замышлял измену, если он обманывал фиск, скрыв свои доходы, если он нарушал законы о прелюбодеяниях, если он пытался обмануть кредитора, сонаследника или кого-либо, с кем имел деловые отношения, если он незаконно задерживал освобождение раба, если он жестоко обращался с рабом. Трудно представить себе случай, в котором свидетельство раба еще продолжало отвергаться.

Так же обстояло дело и в других отношениях, причем практика шла дальше юридической теории. Вырывая одну уступку за другой, рабы добились того, что в конце II и в III вв. их положение фактически изменилось. Господин не мог убить раба, заточить его в эргастулу. Серьезные проступки раба карал не господин, а магистраты. В случае, если господин жестоко обращался с рабом, не содержал его сам и не давал ему свободного времени, чтобы заработать себе на жизнь, раб, прибегнув к статуям, обращался к магистрату, который должен был разобрать дело и в случае, если обвинение подтвердится, передать раба другому господину. Раз данная, хотя бы и по упрощенной форме *inter amicos*, свобода не могла быть отнята, и дела, возникавшие в связи с отпуском на волю, было предписано решать, по возможности, в пользу освобождения раба и устранять все чинимые господином препятствия. Хотя браки рабов законом не признавались, фактически семьи рабов были включены в нераздельный инвентарь имени и предполагалось, что господин не может их разлучать. Оставаясь юридически собственностью господина, фактически пекулий раба стал «подобием имущества» — *quasi patrimonium*. Пекулий обычно не продавался без раба, раб без пекулия. Был признан ранее начисто отрицавшийся долг господина рабу, включавшийся теперь в его пекулий.

Из всего этого, конечно, не следует, что правы Ростовцев, Вестерман и другие буржуазные историки, пытающиеся доказать, что рабство сменилось свободным трудом. Ведущей формой стала форма эксплуатации не свободного наемного рабочего, или арендатора, а наделенного известным минимумом средств производства зависимого работника, т. е. уже не раба в полном смысле слова. Эта смена обусловилась не только экономическими причинами, но и непрерывной, хотя и неорганизованной борьбой рабов. Те уступки, которые они вырвали благодаря этой борьбе, нанесли сокрушительный удар рабовладельческой форме эксплуатации

■ всему обусловленному ею строю общества. В этот период рабы были ведущей силой в классовой борьбе. Затем, изменяя свою классовую природу, они сливаются с прочей массой закрепощаемых крестьян и колоннов и участвуют в их борьбе за разрушение всех пережитков рабовладения.

Весьма важно и то, что развитие товарно-денежных отношений, вначале стимулировавшее развитие рабовладения, вскоре начало его разлагать. Маркс указывал, что при существовавшем тогда уровне развития общественной производительной силы труда попытки превратить в денежную ренту хотя бы ту часть ренты, которая взималась в виде государственного налога, были неизбежно обречены на неудачу¹. Они вели только к росту ростовщичества, быстро подрывавшего хозяйство большинства и приводившего к концентрации земли и рабочей силы в руках меньшинства.

В этом же направлении действовало и развитие торговли, в которую стягивались владельцы вилл, не имевшие возможности произвести у себя все необходимое для себя и своих рабов, и, кроме того, нуждавшиеся в деньгах для выплаты налогов и для расходов, связанных с муниципальными должностями. Кроме того, можно предполагать, что выгоды, извлекавшиеся ими из торговли, в значительной мере подрывались предпринимаемыми и до и после эдикта Диоклетиана правительством и отдельными городами попытками законодательного регулирования цен. «...Когда люди со шпагой, — пишет Энгельс, подразумевая власть имущих, — пытались фабриковать „распределительную стоимость“, у них всегда получались лишь плохие дела и убытки»². Между тем, такое регулирование было неизбежно в условиях рабовладельческого строя, так как оно являлось одной из форм участия свободной бедноты в доходах рабовладельческого коллектива в целом³. Но оно должно было усугублять и ускорять разорение хозяйств, стянутых в торговлю.

Разрушительная роль товарно-денежных отношений сказалась в разорении владельцев средних вилл, составлявших сословие декуррионов. Некоторые из них отпускали рабов, которых не могли больше содержать, и переходили на положение мелких землевладельцев, обрабатывавших участки своим трудом. Другие отдавали свою землю за долги кредиту и сами становились ее прекарными держателями. Третьи становились арендаторами на частных и императорских землях. Четвертые, отпустив рабов, переходили на содержание к своим отпущенникам, обязанным заботиться об обедневших патронах. Некоторые сами попадали в рабство⁴. Остальные

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1952, стр. 810: «Насколько это неосуществимо без известного развития общественной производительной силы труда, свидетельствуют имевшие место при римских императорах различные потерпевшие неудачу попытки этого превращения и возврата к натуральной ренте после того, как хотели превратить в денежную ренту хотя бы всю ту часть этой ренты, которая взималась в виде государственного налога».

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1952, стр. 178.

³ Сошлюсь на некоторые примеры: закон Юлия об анноне предусматривал наказания для составляющих общества с целью спекуляции хлебом (Dig., XLVIII, 12, 2); согласно Ульпиану, были приняты различные меры наказания относительно купцов, спекулировавших хлебом, богатых людей, не желавших продавать свои плоды по справедливым ценам (aliquis retiis) в ожидании неурожая и humiliores, виновных в аналогичных преступлениях (Dig., XLVII, 11, 6); Септимий Север поручил городскому префекту наблюдать за тем, чтобы не превышались цены, установленные на мясо (Dig., 1, 12, 1, 11); Марк Аврелий запретил городам самостоятельно устанавливать цены на зерно и принуждать декуррионов продавать его по ценам, ниже установленных в общем порядке (Dig., XLVIII, 12, 3). В отдельных случаях, как показывает эдикт времени Домитиана из Антиохии в Писидии (Aér., 1925, № 126), во избежание голодных бунтов наместники предписывали продажу всех хлебных излишков по установленным ими ценам.

⁴ Более подробно об этих фактах см. Е. М. Штаерман, Рабство в западных провинциях Римской империи в III—IV вв., ВДИ, 1951, № 2, стр. 84—105.

кое-как держались, стараясь зацелиться привилегиями, освобождавшим их от желанных прежде муниципальных должностей, которые раньше были не только почетны, но и выгодны, так как давали возможность наживаться на управлении городскими землями, но постепенно становились только обременительными, так как число декуррионов уменьшалось, доля расходов, падавшая на каждого, росла, а городские земли, несмотря на все попытки императоров помешать этому, переходили в частные руки. Выгадывала только небольшая кучка самых богатых собственников, концентрировавшая в своих руках имущество разорившихся владельцев. Но и они старались порвать с городами, выделив свои владения из городской территории. Таким образом, вызванный разорением сословия декуррионов упадок городов, как коллектива рабовладельцев, был непосредственным следствием упадка рабовладельческого строя и является его ярким симптомом. Как и упадок фамилии, выразившийся в упоминавшихся выше законах, которые ограничивали власть ее главы, он подрывал социальные основы этого строя и обострял его противоречия. Между прочим, одним из следствий этих процессов было укрепление государственного аппарата. В значительной мере оно объясняется тем, что «функции подавления», направленные против рабов и свободной бедноты, переходили теперь от глав фамилий и от магистратов муниципий исключительно в руки центрального правительства. Но усиление государства и рост государственного аппарата вели к росту налогов и повинностей, что только ускоряло разорение налогоплательщиков и обостряло процессы, разрушавшие рабовладельческий строй.

Разрушение его шло тем быстрее, чем больше развитое рабовладение успело разложить другие формы собственности. Поэтому особенно бурно кризис протекал в западных провинциях. Показательно, например, что уже за середины II в. число сенаторов из западных провинций, пополнявшихся за счет муниципальной верхушки, резко сокращается.

В западной половине империи концентрация земли и рабочей силы породила новые методы хозяйства, отличные от методов, свойственных развитому рабовладельческому строю. Как уже говорилось выше, хозяйство, перешагнувшее за определенные размеры, не могло основываться на рабстве в его классической форме. Существование крупных рабских плантаций было невозможно по ряду причин. Во-первых, они просто не могли быть рентабельными, так как вследствие прогрессирующего разорения мелких и средних собственников хозяйство натурализовалось и продукты плантаций не нашли бы достаточно широкого сбыта, а рабское плантационное хозяйство, повидимому, могло быть выгодно только при производстве для рынка¹. Во-вторых, рабские плантации возможны лишь при жесточайших методах принуждения рабов к труду, а эти методы из страха перед сопротивлением рабов уже не допускались. Сохранение отдельных специализированных вилл внутри латифундий практиковалось, но оно встречало непреодолимую трудность в организации надзора, особенно сложной, по словам Маркса, в рабовладельческом хозяйстве². Таким

¹ Маркс прямо противопоставляет патриархальную систему рабства, рассчитанную на собственное потребление, плантаторской системе, работающей на вывоз. В другом месте он указывает, что существование плантаций в Сицилии, имевших формальные аналогии с капиталистическим сельским хозяйством, обуславливалось тем, что земледелие там имело целью экспорт (см. К. Маркс, Капитал, т. III, 1950, стр. 800, 816).

² «...Труд главного надзора необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между рабочим, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за рабочими. Поэтому своего максимума она достигает в системе рабства» (К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 398).

образом, хотя в крупном имении, благодаря обилию рабов, легче можно было содержать высококвалифицированных ремесленников, садоводов, птицеводов и тому подобных подсобных работников, в основной отрасли хозяйства — земледелии, здесь не могли применяться те методы, которые обусловили прогрессивность средних вилл по сравнению с мелким хозяйством. В латифундии нельзя было осуществить ни простой кооперации, ни тесно связанного с нею разделения труда. Развитие производительных сил могло здесь идти лишь по новому пути, а именно — по пути создания у работника стимула к труду, за счет наделения его средствами производства и сохранения за ним известной доли его прибавочного продукта, что само по себе в корне противоречило основным принципам рабовладельческого способа производства. Вместе с тем большая самостоятельность работника, как совершенно справедливо отмечал А. В. Арциховский в упоминавшейся выше статье, могла сделать возможным использование более сложных сельскохозяйственных орудий, изобретенных и усовершенствованных в период империи, но мало применимых в рабском хозяйстве.

С конца II в. начинается процесс, прямо противоположный тому, который шел при развитии рабовладения: тогда производитель отрывался от средств производства и ставился в непосредственную связь с абсолютно властвовавшим над ним собственником средств производства и его самого. Теперь эта связь становится опосредствованной, через неразрывное единство работника со средствами производства — земледельца (раба или колона) — землей и инвентарем, ремесленника с мастерской и т. п. Старая фамилия, как совокупность лишенных собственности лиц, подчиненных абсолютной власти ее главы, являвшегося единственным полноправным собственником, сменяется именем, как совокупностью работников и неотъемлемыми от них средствами производства во главе с владельцем средств производства, обладающим лишь ограниченной властью над зависимыми людьми. Ограниченность его власти, по сравнению с властью главы фамилии, выражалась в том, что он не имел над ними права жизни и смерти, а впоследствии и права отчуждения их без средств производства. Последнее было установлено сперва обычаем, по которому раб, например, при передаче по наследству, оставался в той вилле, к которой был приписан, и не лишался пекулия, а затем и рядом законов. В IV в. была запрещена продажа сельских рабов за пределы провинции, а затем и продажа без земли колонов и сельских рабов.

Латифундия этого времени находилась в совершенно других условиях, чем вилла. Размеры виллы могли быть лишь ограниченными, латифундия могла расширяться неограниченно, присоединяя все новые участки и новых работников. Такое расширение даже способствовало ее процветанию, так как если вилла была связана с рынком, то латифундия была замкнутым целым, и чем больше в нее входило земли и работников, тем легче было наладить обмен внутри нее. Продукты, продававшиеся внутри имения колонами и самими владельцами, не облагались торговыми пошлинами. Ремесленники, принадлежавшие хозяину латифундии, изготовляли все нужное ему самому и его колонам. Палладий особенно настаивает на том, что надо иметь ремесленников в имении, чтобы земледельцы не должны были ездить в город на рынок (I, 6). Судя по его трактату, даже строительные материалы и водопроводные трубы изготовлялись своими силами. Таким образом, латифундия в значительной мере выпадала из общего торгового оборота, а обмен, происходивший внутри латифундии, был избавлен от государственного контроля и совершался в более выгодных условиях. Если хозяин виллы, увеличивая количество своих рабов, увеличивал и количество расходов на их содержание, то владелец латифундии, приобретая новых зависимых людей, увеличивал только свой доход, извлекавшийся из выпла-

чиваемой ими ренты. Поэтому мы и наблюдаем такое, на первый взгляд противоречивое, явление, что в то время, как часть землевладельцев старается избавиться от своей земли, уже не приносящей дохода, другая часть собственников лихорадочно захватывает землю, «прибавляя сальтус к сальтусу». Первые — это владельцы вилл, вторые — латифундий.

Для того чтобы латифундия приносила доход, она должна была иметь достаточное число работников. И борьба за рабочую силу становится, начиная с III в., одним из характернейших явлений. Чтобы обеспечить ее за собой, магнаты прибегали ко всевозможным мерам — покупали и сажали на землю рабов из пленных и свободных, продававшихся в рабство, разбирали пленных в качестве колонов, переманивали чужих — императорских и частных — колонов, принимали колонов и крестьян под патронирование, закрепляли за именем своих неоплатных должников. Безнадёжно задолжавший землевладелец отдавал им свой участок, получая его затем в прекратное владение; задолжавший крестьянин отработывал долг на земле кредитора; задолжавший колон не мог покинуть землю, пока он или его потомки не выплатят свой долг, который обычно не только не уменьшался, но все возрастал.

На западе хозяйство быстро становилось натуральным вследствие того, что покупательная способность населения резко снизилась. Владельцы вилл, бывшие основными поставщиками и покупателями продуктов сельского хозяйства и ремесла, разорялись и старались ограничить свои расходы. Колоны и крупные землевладельцы в основном удовлетворялись внутриместным обменом. Внеримские народы Европы наладили собственное производство и не нуждались в римском импорте, который резко сокращается. Порча монеты, производившаяся нуждавшимся в деньгах правительством, подорвала у населения доверие к богатству, основанному на деньгах. Это ярко выразил Константин в своем эдикте, запрещавшем опекунам продавать что-либо из имущества малолетних. «Деньги, — пишет он, — в которых древние видели всю силу имущества, нестабильны, ненадежны и часто сводят на нет все имущество» (СІ, V, 37, 22). Это заставляло на Западе переводить денежные взносы на натуральные. Сохранение собственного хозяйства господина, который, если судить по трактату Палладия, на сохраненной им для себя земле вел более усовершенствованное и разнообразное хозяйство, чем это было возможно на небольших участках колонов, заставляло прибавлять к натуральной ренте отработочную. А преобладание натуральной и отработочной ренты, как неоднократно указывали Маркс и Ленин, неизбежно вело к прикреплению земледельца к земле, к созданию замкнутого, неполноправного крестьянского сословия.

Таким образом, латифундии западной империи были прямо противоположны рабовладельческим виллам не только по размерам, не только потому, что виллы были частью городской территории и, следовательно, собственность их владельца была ограничена собственностью города, а латифундии были самостоятельными территориями, права собственности на которые были ограничены только государством, но и потому, что виллы были связаны с рабским, а латифундии — с крепостническим способом ведения хозяйства.

Конечно, и владельцы вилл делали попытки приспособиться к новым условиям, тем более, что сдача в аренду земли худшего качества издавна практиковалась. И они переводили рабов на пекулий, сдавали их внаймы, отпускали часть своих рабов на волю и нанимали чужих, но для них переход к новым методам хозяйства означал ломку, которую мало кто мог выдержать. Так, если для крупного владельца долги колонов — все равно

рабов или свободных — приводили только к укреплению его власти над ними, то мелкого и среднего собственника они разоряли. Он не имел достаточно средств, чтобы закабалить путем долгов свободных работников, и напротив, сам впадал в долги. Даже разделив свою землю на участки между рабами и колонами, он не мог порвать связей с рынком, так как в своем небольшом хозяйстве не мог обеспечить все его потребности, держать многочисленных квалифицированных мастеров для себя и своих людей. Он попрежнему нуждался в деньгах и для выплаты муниципальных повинностей, становившихся все более обременительными, а денег с рабов, колонов или должников он получать не мог. Наконец, он не мог обеспечить зависимым людям такой защиты от сборщиков налогов, солдат и т. п., какая привлекала людей на земли могущественных магнатов.

Поэтому в западных провинциях, где города были порождены развитым рабовладением, непосредственно сменившим первобытно-общинные отношения на разной стадии их разложения, они пришли в упадок, как только разрушились рабовладельческие виллы, собственники которых составляли основу этих городов. Если мы учтем еще то обстоятельство, что на западе, кроме Африки, императорские домены, противостоявшие частным латифундиям, были сравнительно невелики, нам станет понятно, что на западе процесс упадка рабовладельческих и рождения феодальных отношений шел самым прямым путем. Феодализирующаяся латифундия вытеснила рабовладельческую виллу, старые классы — сословия рабов и рабовладельцев, разлагаясь и присоединяя новые элементы, сконструировались в новые классы — сословия крупных землевладельцев и зависимых земледельцев. Оставалось только смести рабовладельческое государство, заменив его феодальным, и пережитки рабовладельческих форм собственности, ограничивавшие права колонов на их инвентарь и часть продуктов их труда.

Иным было положение на Востоке. Длительность развития восточных областей, высокий уровень ремесла, торговли, товарно-денежных отношений обусловили тот факт, что римское завоевание не имело здесь такого значения, как в западных провинциях, где оно в корне преобразовало все отношения, быстро распадавшиеся под влиянием развития рабства, которое определило и возникновение городов, и расцвет товарного производства, и другие аналогичные явления, стоявшие с ним в неразрывной связи. На Востоке города сложились до римского завоевания, в период, когда рабовладельческие отношения еще не достигли высшей ступени своего развития. На Востоке рабство никогда не достигло такой высокой ступени и такого распространения, как в Аттике, Италии и некоторых западных областях. В восточных провинциях рабские виллы в римское время хотя, вероятно, существовали, но не играли ведущей роли. На землях, как императорских, так и городских и частных, главной фигурой был наследственный арендатор, к которому можно применить слова Ленина о негра-арендаторах Юга США, что это были «...полуфеодалы или, — что то же в экономическом отношении, — полурабские *издольщики*»¹. Большую роль играла сельская община². Колоны вербуются из этих же арендаторов и крестьян, и потому колонат был присущ всем видам хозяйства, а не только крупным латифундиям, как на Западе, причем складывается он здесь гораздо раньше и издавна становится определяющей формой эксплуатации. Повидимому, и рабы рано стали использоваться как колоны. Так, характерно, что юрист III в. Модестин, разбирая случай, когда завещан узурфрукт на село, населенное рабами, приводит,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 13.

² Данные об общине в восточной половине империи см. М. В. Левченко, ук. соч., стр. 29 сл.

как образец, выписку из завешания, составленного по-гречески. Очевидно, поселение рабов в селах на положении колонов было типично для восточной половины империи уже в это время, тогда как в ее западной половине типичной для юриста оставалась рабовладельческая вилла (Dig., XXXI, 34).

Нередко высказывалось мнение, что, вследствие меньшего развития рабства на Востоке, рабовладельческий строй сохранялся здесь дольше, чем в западной половине империи. Делалось также предположение, что феодализация задерживалась здесь вследствие деления колонов на несвободных, не имевших собственности, и свободных, имевших право собственности, тогда как на Западе все колоны быстро перешли на положение бесправных адскриптициев. Наконец, как на причину консервации прежних отношений, указывали на большую устойчивость товарного хозяйства и городского строя. Мне представляется, что не все здесь одинаково справедливо. Так, например, колоны, имевшие право собственности на свое имущество, были и на Западе. Павел еще в III в. писал, что инвентарь колона не входит в состав инвентаря имения, если весь инвентарь принадлежал ему до того, как колон пришел в имение (Dig., XXXIII, 7, 24), и это положение сохранилось в силе и впоследствии. Но, повидимому, господам было выгоднее, если колон не имел ничего своего: так, например, Палладий предостерегает землевладельца от такого колона, который имеет собственное имущество и собственную землю (I, 6); господа в обеих половинах империи старались подчинить себе колонов полностью.

Не совсем логично и предположение, что рабовладельческий строй существовал дольше, так как рабство было менее развито. Здесь можно говорить только о длительности существования пережитков рабства, а не о рабовладельческом строе. О существовании рабовладельческого строя заключают большей частью только на основании упоминания в юридических и литературных памятниках рабов (которые, кстати сказать, упоминаются и в западных источниках), а не потому, что доказано преобладание хозяйств, основанных на чисто рабском труде.

Гораздо важнее — длительное существование развитых товарно-денежных отношений и городов. Однако само по себе оно вовсе не доказывает сохранения рабовладельческого строя. На Западе они, действительно, были неразрывно с ним связаны. На Востоке торговля и ремесло возникли гораздо раньше развитых рабовладельческих отношений и пережили их надолго. Ремесло здесь большей частью основывалось на труде свободных ремесленников, как это видно хотя бы из Либания. Но, главное, ни развитие ремесла, ни торговля не могли разложить здесь до конца общину, которая сохраняет гораздо большую живучесть, чем в основных областях Запада. Не разложило ее и римское завоевание, хотя оно и дало толчок дальнейшему развитию частной собственности. На Западе разложение общины было более полным, так как оно происходило в обстановке господства развитых рабовладельческих отношений. В восточной половине империи разложение общины шло медленно, так как развитие рабства, хотя бы в его патриархальной форме, развитие товарно-денежных отношений, развитие государства начались там издавна, и община постепенно приспособлялась к этому дальнейшему развитию, лишь очень медленно разлагаясь. Самая замедленность всех этих процессов вела к тому, что община не претерпела таких изменений, как на Западе, где они шли очень бурно. В соответствии с этим гораздо медленнее развивалась и рабовладельческая частная собственность, так как государственная собственность на землю, тесно связанная с существованием общины, играла здесь гораздо большую роль, чем на Западе. Поэтому общий кризис рабовладельческого строя не мог так глубоко задеть восточные провинции империи, как западные, поскольку в

значительной мере эксплуатация общинников и арендаторов-издольщиков должна составлять основу их экономики. Эта особенность восточных провинций сказалась и на положении городов. На Западе они возникли как объединения рабовладельцев, составлявших сословие декурионов, и пришли в упадок с упадком развитого рабовладения. На Востоке они были организацией, коллективом земельных собственников, которые, однако, эксплуатировали не только рабов, но и арендаторов-издольщиков, колонов, за счет труда которых поддерживали неимущий городской плебс и выплачивали налоги. Рабство развивалось и в период эллинизма, и в начале господства Рима, но, вероятно, можно предположить, что здесь оно начало жить себя раньше, чем на Западе. Во всяком случае, в нашей литературе господствует мнение, что в период империи оно не было ведущим¹. Сказывалось и справедливое, как мне представляется, предположение, что римское завоевание на Востоке играло особенно реакционную роль, так как закрепило господство там рабовладельческой системы, уже себя изжившей². И все еще живучая община, и рано возникший за счет закрепощения общинников, издольщиков, посаженных на землю рабов колонат существовали и с городами и с довольно интенсивными товарно-денежными отношениями. Поступавшие на рынок товары создавались не только в результате эксплуатации рабов, сколько за счет эксплуатации свободных и закрепощенных ремесленников, в частности и императорских мастерских, и за счет натуральных поставок, собиравшихся с общинников и колонов. Поэтому общий кризис рабовладельческого строя мог и не вести здесь к разрушению товарного производства. Все это имело целый ряд следствий: хотя на Востоке концентрация земель шла не менее интенсивно, чем на Западе, крупные имения по типу хозяйства не были так резко отличны от средних, как на Западе. Разбогатевший собственник закрепощал арендаторов и общинников, увеличивая свои земли и количество зависимых людей, и прилагал все усилия к тому, чтобы выделиться из городской курии и, по возможности, не платить налогов государству, т. е. сохранить для себя весь прибавочный продукт. Феодализация шла не только по линии коренного изменения типа хозяйства, сколько по линии борьбы частной и общинной собственности, а также по линии борьбы частной и императорской собственности за зависимых людей и долю произведенного ими прибавочного продукта.

С другой стороны, средний землевладелец, входивший в курию, не был так неприспособлен к новым условиям хозяйства, как декурион Запада, так как его землю обрабатывали те же колоны. Это было одной из причин почему хозяйства восточных куриалов оказались более устойчивыми, чем рабские хозяйства муниципальной верхушки Запада. Эта устойчивость для средних муниципальных землевладельцев повела и к сохранению рынка для продуктов местного производства, что способствовало сохранению товарно-денежных отношений. Большую роль в этом сыграла и непрерывающаяся торговля с восточными странами.

Наконец, в силу развития и устойчивости товарно-денежных отношений землевладелец восточных провинций, будь то магнат, куриал или император, известную часть ренты продолжал собирать в денежной форме, так что император Анастасий мог вернуться к денежным налогам³. Судя, например, по Либанию, землевладелец взимал с колонов деньги, деньгами

¹ А. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи, 1949, стр. 56 сл., стр. 91, 115, 147.

² А. Г. Б о к ш а н и н, К вопросу о падении античной рабовладельческой формации, «Преподавание истории в школе», 1952, № 5, стр. 30.

³ См. М. В. Л е в ч е н к о, ук. соч., стр. 17.

же они оплачивали покровительство тех, кто брал их под патроним. На Западе же давно господствовала натуральная и отработочная рента и господам даже прямо запрещалось требовать с колонов деньги и перевод натуральные платежи на денежные. В крупных имениях Востока, господа которых сами активно участвовали в торговле, натуральная рента преобладала, и так же, как на Западе, применялись отработки (см. эдикт Аркадия и Гонория на имя комита Азии, где говорится о том, что колоны обязаны платежами и отработками — *annis functionibus et debito conditionis obnoxii sunt*, CI, XI, 50 (49), 2), но в имениях, входивших в состав городской территории, а возможно, и на императорских, где налог взимался с целой общины, преобладала денежная рента, хотя колоны вносили и натуральные поставки. Между тем денежная докапиталистическая рента, как указывает Маркс, предполагает большую самостоятельность производителя. Это, возможно, в известной мере, объясняется и наличием на Востоке большего числа колонов, определяемых как «свободные», и более длительное сохранение крестьянской общины, как податной единицы. Напротив, в крупных имениях колонов, «обязанный платежами и работами», попадал в большую зависимость, ближе был по положению к крепостному.

Городская курия и городской плебс были во враждебных отношениях с крупными землевладельцами, захватывавшими городские земли и желавшими делиться с ними своими доходами. Еще в начале III в. эта взаимная враждебность ярко отразилась в сочинениях Диона Кассия, который, как представитель крупных землевладельцев, предлагал уничтожить города как самоуправляющиеся единицы, обуздать и заставить работать городскую чернь (LII, 28—30). У Филострата его герой Аполлоний Тианский настаивал на сохранении городской свободы и обличал богачей не делившихся имуществом с городом и бедными гражданами, прятавших зерно и наживавшихся на неурожаях.

Рознь между крупными собственниками и куриалами, устойчивость городов и сельских общин, все еще сохранявшиеся большие государственные имения, восстания городского плебса и движения крестьян и колонов — все это обуславливало сохранение на Востоке более сильного единого государства, которое, судя по тому же Диону Кассию, пользовалось поддержкой земельной знати Востока, тогда как на Западе в то же время развиваются уже сепаратистские тенденции. Однако это не говорит об устойчивости рабовладельческого строя на Востоке. Напротив, феодализация, т. е. переход к эксплуатации работника, не находящегося в полной собственности владельца и наделенного средствами производства, повидимому начинается там раньше, но идет медленнее, при сохранении и денежной ренты, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Переломным моментом был так называемый «кризис III века», который явился выражением борьбы, с одной стороны, между представлявшей новый способ производства феодализирующей земельной знатью и социальными группами, связанными с отживающим рабовладельческим способом производства, и рабовладельческой собственностью (сословие декурионов и армия), а с другой стороны, между непосредственными производителями сливавшимися в одну массу зависимых и закрепощаемых земледельцев и господствующими классами. В это же время начинается широкое наступление на Рим внеимперских народов, которые в основном еще выступают как союзники широких масс, но уже начинают использоваться и земельной знатью и другими антиримскими группировками. Так, например, галльские императоры привлекают германскую конницу; египетские «узурпаторы» заключают союз с вождями блеммиев, один из которых был даже признан ими императором Южного Египта. Эти классы и группы участвовали в борьбе во всех провинциях империи, но их положение и пре-

аммы имели отличия в связи с общим положением в той или иной провинции.

«Кризис III века» окончился поражением старых рабовладельческих групп. В экономике раба заменяет колон, в политике — империю, представлявшую широкий блок рабовладельцев (принципат) — империя, ставшая органом крупнейших землевладельцев (доминат). Константин не только узаконил необходимое для осуществления новых методов эксплуатации прикрепление колонов к земле, но и нанес тяжелый удар городам тем, что не только усилил ответственность и повинности курии, но и оформил расслоение этого сословия, включив его верхушку в привилегированное сословие сенаторов. Особое значение это имело на Востоке, где крупные землевладельцы теперь выделились из курии, получив полную собственность на свои земли и их население, что должно было ускорить прежде тормозившееся городской организацией развитие феодальных отношений.

Обычная характеристика правления Константина как рабовладельческой реакции совершенно затемняет истинный его смысл. В пользу такой характеристики можно было бы привести только законы Константина, направленные на усиление власти господина над рабом, но это не может считаться определяющим. Как уже говорилось выше, пережитки рабовладения сохранялись очень долго и использовались господствующим классом для эксплуатации всех категорий зависимых людей, но не они определяли способ производства. Рабовладельческой реакцией правление Константина можно было бы назвать лишь в том случае, если бы он конфисковал земли крупных собственников и роздал бы их городам и входящим в состав городских курий землевладельцам и арендаторам из военного и гражданского населения, которые обрабатывали бы свои виллы трудом рабов. Это была бы действительно, конечно, невозможная и неосуществимая попытка восстановить развитие рабовладения и рабовладельческую форму собственности. Но мероприятия Константина были направлены на достижение прямо противоположной цели. Именно тогда частная собственность окончательно торжествует над общественной, представленной теперь уже не городской, а сохранившейся в основном на Востоке и все более склоняющейся к упадку императорской собственностью, также постепенно переходившей в руки императорских приближенных и крупных съемщиков из той же земельной знати. Правление Константина было не рабовладельческой реакцией, а оформлением победы нового экономически господствующего класса крупных землевладельцев, эксплуатирующих непосредственного производителя, наделенного средствами производства и прикрепленного не к господину, а к земле, т. е. уже не являющегося рабом. Государство Константина было органом власти этого класса, использовавшего его как для борьбы с остатками отживающих социальных групп, так и с революционными движениями масс. Именно этой природой империи Константина, а не тем, что она была рабовладельческой реакцией, можно объяснить его относительную силу и временный успех, поскольку созданное им государство еще на некоторое время было нужно господствующему классу.

Со времени Константина уже нельзя без оговорок утверждать, что рабовладельческая формация продолжала существовать как таковая. Этот период скорее может быть отнесен к становлению феодального строя. Он наполнен борьбой против пережитков рабовладения, которые выражались в ограниченности владельческих прав колона на его средства производства по сравнению с правами феодального крестьянина, что сближало колона в юридическом смысле с рабом и с чем связано указанное Энгельсом неизжитое презрение к труду; в существовании на Востоке масс паразитического люмпен-пролетариата, претендовавшего на свою долю прибавочного

продукта; в сохранении, также на Востоке, известного числа императорских земель, еще не перешедших в частные руки; и, наконец, в существовании бюрократического государства, постепенно становившегося, особенно на Западе, бесполезным для правящего класса и тяжело давившего на непосредственного производителя. Эти пережитки разрушались революционными движениями масс и внешними завоеваниями. Революционные движения были временно разгромлены в конце III в., и нажим на все категории эксплуатируемого населения усилился. С середины IV в. они разгораются со все возрастающей силой. Одновременно усиливается и натиск «варваров». Но даже и победа объединенных сил тех и других не сразу вела к ликвидации пережитков рабовладения. Она стала возможной лишь после нескольких последовательных волн «варварских» завоеваний и возрождения общины на территории империи в результате расселения на ней германских и славянских племен. Как уже говорилось выше, особенностью здесь являлось то, что результатом этих движений пользовался новый господствующий класс, который, до известных пределов, оказывался в одном лагере со своим антагонистическим классом, пока борьба шла против рабовладельческого государства и рабовладельческого города с его куриями и люмпен-пролетариатом¹, являвшимся ненужным и лишним бременем для нового строя. Это объясняется тем, что оба эти класса были классами нового общества, которые могли идти в некоторых ограниченных пределах вместе против старого общества; борьба между ними начиналась затем уже на новой базе, как борьба за максимальную ликвидацию пережитков рабовладения и борьба за землю, т. е. за путь развития нового способа производства. Исход этой борьбы определялся переплетением ряда факторов — силой революционного движения; тем, в качестве чьих союзников являлись на завоеванную территорию «варвары», степенью разложения первобытно-общинного строя у этих последних; взаимоотношениями разных групп правящего класса; устойчивостью возникших в римское и доримское время отношений; развитием товарного хозяйства и преобладанием той или иной формы ренты; и, вероятно, от ряда других причин, которые могут быть вскрыты только при конкретном исследовании еще слабо изученной истории отдельных областей империи в этот период. Но каковы бы ни были результаты, сущность этих процессов феодализации была везде одинаковой. Сохранение централизованного государства и городов на Востоке не противоречит этому, так как они могли сохраняться долгий срок, повидимому, в связи с живучестью общины, развитием торговли и преобладанием денежной ренты, а также, возможно, и в связи с многообразием типов хозяйств в восточных областях, где, наряду с крупными, феодального типа имениями, продолжало существовать значительное мелкое крестьянское землевладение с патриархальным рабством.

Последний тип хозяйства отражен в римско-сирийском законнике V в.² Здесь количество рабов, повидимому, не велико; так, передавая закон *Fufia Caninia*, законник не упоминает случая, когда у завещателя может быть более 100 рабов (§ 4); рабство довольно патриархально — раб может быть опекуном детей господина, вести его дела, вступать в брак, в сожительство с свободной женщиной и т. п. (§§ 30, 33, 34, 48), за что, по законам Теодориха, раб карался сожжением; допускалась и самопродажа в рабство (§ 73). Свободные выступают здесь, как маленькие люди, которые завещают скудное имущество (§ 95), дают в залог долга свой участок, овец, ослицу, рабыню (§ 99). у которых нельзя брать в залог пахотных быков, чтобы не разорить их

¹ М. Я. Сюзюмов, ук. соч., стр. 105 сл.

² Использован латинский перевод этого памятника в издании: «*Fontes iuris Romani antejustiniani*», ed. G. Riccobono, J. Baviere..., Horentiae, 1940.

конец (§ 112), которых можно обратить в рабов или колонов за укрывательство беглого раба или колона (§§ 49 и 50)¹.

Но ведущим и развивающимся был не этот тип хозяйства, а крупные, основанные на эксплуатации колонов имения, владельцы которых имели свои крепости, тюрьмы, свои военные отряды из наемников и вооруженных рабов. Взаимоотношения такого имения с государственной властью чрезвычайно ярко отразились в эдикте 451 г. о выдаче и поимке скрывающихся в имении разбойников (CI, IX, 39, 2). Эдикт предписывает, чтобы в том случае, когда господа, прокураторы или *primates possessionum* — вероятно, господская администрация или выборные должностные лица сёл на частных землях — откажутся их выдать, ректор провинции посылал против них гражданскую милицию — *civilia auxilia*, если же из-за множества крестьян, живущих в имении, она потерпит неудачу, войсковые трибуны должны прислать на помощь солдат. Солдат следует посылать и в том случае, если господа или прокураторы докажут, что их сил нехватает для подавления массы крестьян. Конечно, ничего от времени классического рабовладения в нарисованной здесь картине не осталось.

Таким образом, общий кризис рабовладельческого строя начинается со второй половины II в. В III в. идет борьба между старыми и новыми формами хозяйства, закончившаяся победой последних. С начала IV в. уже нельзя говорить о существовании рабовладельческой формации, о классах рабов и рабовладельцев, как об основных, определяющих классах. Начинается переходный период, который наполнен революционными движениями масс, борьбой с пережитками рабовладения, тормозившими развитие нового строя, и оканчивается установлением ранне-феодальных отношений в форме, определяемой конкретно-историческими условиями для каждой области бывшего римского мира.

¹ Этого, конечно, нельзя было сделать с крупным собственником, который, по кодексу Юстиниана и законам Теодориха и Гундобада (*Edictum Theodorici regis*, 80 и 84; *Lex Romana Burgundionum* VI, 2; CI, XI, 47, (48), 12), карался за это штрафом в размере двойной или тройной стоимости беглого.